

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-87-105

Д.С. Парфирьев, З.А. Аджиева, Л.В. Олифер

**ПОЛИТИКА СССР ПО ОТНОШЕНИЮ
К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАПОРОЖСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТЯХ
В 1944–1948 гг.**

D.S. Parfir'ev, Z.A. Adzhieva, L.V. Olifer

**THE USSR POLICY TOWARDS THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN ZAPOROZHYE
AND KHERSON REGIONS, 1944–1948**

Аннотация. Тема взаимоотношений государства и церкви в СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания всё чаще изучается на региональном материале — в настоящей статье речь идет о ситуации в Запорожской и Херсонской областях. В послевоенные годы оба региона (Херсонская область — с 1946 г.) входили в состав епархий с центрами соответственно в Днепропетровске и Одессе,

Парфирьев Дмитрий Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН

Parfir'ev Dmitry Stanislavovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

parfiryeff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4042-6324

Аджиева Забия Абдулмуслимовна, исполнитель проекта Института славяноведения РАН

Adzhieva Zabiya Abdulmuslimovna, project implementer, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

zabiya.adzhieva@bk.ru

ORCID: 0009-0003-3377-5128

Олифер Лилия Витальевна, исполнитель проекта Института славяноведения РАН

Olifer Liliya Vital'evna, project implementer, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

liliastorozhok@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-6039-1827

поэтому в глазах епархиальных управлений и представителей Совета по делам Русской православной церкви они имели второстепенное значение. К тому же оба региона не были проблемными: противоречия между властными структурами и священниками возникали нечасто и быстро разрешались, а большинство духовенства, включая епископат, проявляло патриотизм и лояльность советскому государству и коммунистической партии. Заметных противоречий на национальной или языковой почве в Запорожской и Херсонской областях также не наблюдалось. После освобождения территорий Запорожской и Херсонской областей основными направлениями церковной политики в регионах были борьба с идеологическими последствиями немецкой оккупации и возвращение занятых приходами общественных зданий для размещения в них советских учреждений. Эти задачи были тесно взаимосвязаны: почти все без исключения церковные общины Русской православной церкви появились в изучаемых регионах во время оккупации. Считаясь с этим обстоятельством, власти не рассматривали церковную инфраструктуру как продукт немецкого присутствия, а среди священников и прихожан не отмечалось антисоветских настроений. Изъятие общественных зданий тоже имело скорее практическую, нежели идейно-политическую подоплеку: местные власти и уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви всегда предлагали приходам альтернативы, и обе стороны старались решать спорные вопросы компромиссно. Так продолжалось до конца 1948 г., когда и в Херсонской, и в Запорожской областях число приходов стало постепенно сокращаться. В этом отношении ситуация в регионах соответствовала общей картине по стране.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, Русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви, Херсонская область, Запорожская область.

Abstract. The problem of the relationship between the state and the church in the USSR at the final stage of the Great Patriotic War and, then, during the first years after its end, is well-studied on regional material. This article is devoted to the situation in the Zaporozhye and Kherson regions. During the post-war years, both regions (the Kherson region only since 1946) formed parts of dioceses with centers in Dnepropetrovsk and Odessa. Therefore, in the eyes of the diocesan administrations and representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, both regions were of secondary importance. In addition, both regions were not problematic, because contradictions between government structures and clergy occurred infrequently and were quickly resolved. So, the majority of priests, including the episcopate, showed patriotism and loyalty to the Soviet state and the party. There were also no noticeable contradictions of national or

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-78-00254 «Опыт восстановления советской идентичности в Запорожской и Херсонской областях в 1943–1948 гг.»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 25-78-00254 “The Experience of Soviet Identity Restoring in Zaporozhye and Kherson regions in 1943–1948”).

linguistic character in the Zaporozhye and Kherson regions. After the deoccupation of both regions, the main directions of church policy there were struggle against the ideological consequences of German occupation, on the one hand, and the return of public buildings occupied by parishes to Soviet institutions, on the other hand. These tasks were closely interrelated, because almost all Russian Orthodox Church communities appeared in the studied regions during their occupation. Taking this circumstance into account, the authorities did not consider the church infrastructure as a product of the German presence, besides, there was no anti-Soviet sentiment among the priests and parishioners. The seizure of public buildings was also more practical than ideological and political in nature. Local authorities and representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church always offered alternatives to parishes, and both sides tried to resolve controversial issues in a compromise. This tendency continued until the end of 1948, when the number of parishes in both Kherson and Zaporozhye regions began to gradually decrease. In this regard, the situation in the regions corresponded to the picture of the whole country.

Keywords: Great Patriotic War, occupation, Russian Orthodox Church, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Kherson region, Zaporozhye Region.

* * *

Восстановление патриаршества в 1943 г. ознаменовало собой начало принципиального нового этапа во взаимоотношениях Советского государства и Русской православной церкви. В последние десятилетия этот сюжет широко изучается в региональном преломлении¹. В такой оптике значительный интерес представляют регионы Украинской ССР с их сложной этнорелигиозной структурой и опытом длительной гитлеровской оккупации. В настоящей статье внимание сосредоточено на церковной политике советских властей в Запорожской и Херсонской областях с момента их освобождения до конца 1948 г.

Финальная хронологическая рамка нуждается в пояснении. Исследователи истории взаимоотношений государства и церкви в СССР в послевоенные годы, как правило, доводят свои работы до 1953 г., но в то же время сходятся в том, что переломный момент пришелся на последние месяцы 1948 г.: именно тогда началась новая волна преследований духовенства, усилилась пропаганда

¹ См., например: *Зин Н.В.* Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Михайловский А.Ю.* Взаимоотношения власти и Русской Православной Церкви в 1943–1965 гг.: на материалах Рязанской области. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011; *Бурдуков И.В.* Смоленская епархия Русской Православной Церкви в вероисповедной политике советского государства и жизни общества в 1943–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2024.

атеизма, а открытие новых церквей и молитвенных домов пошло на спад — церковь стала вытесняться на периферию общественной жизни².

В российской и украинской историографии достаточно хорошо освещены разные аспекты государственно-церковной политики в южных регионах УССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Украинские историки активно использовали материалы отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) по соответствующим областям, но в основном до 1946 г. включительно³. В основе настоящего исследования лежат ежеквартальные отчеты (доклады) уполномоченных СДРПЦ в Запорожской и Херсонской областях за первые послевоенные годы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации, в том числе за 1947 и 1948 гг., которые ранее почти не привлекались исследователями. В этих документах содержатся не только тексты отчетов как таковых, но и отклики на них руководства в Киеве и Москве, материалы переписки уполномоченных с церковными деятелями и местными органами власти и партии — в оригинале или в виде пространственных цитат.

Епархии Русской православной церкви на территории УССР еще в 1921 г. были объединены в так называемый Украинский экзархат. С началом Великой Отечественной войны вся территория республики и, соответственно, экзархата была постепенно захвачена немецкими войсками. На оккупированных территориях УССР конкурировали две вновь созданные украинские православные церкви — Автономная и Автокефальная. Если первая, как это ни парадоксально в тех условиях, признавала верховенство Москвы, то автокефалисты выступали против единства с Русской православной церковью. При этом, в отличие от Автокефальной церкви,

² Одинцов М.И. Вероисповедная политика советского государства в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 492–497; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 347; Обозный К.П. Предисловие // «Новый курс» государственной религиозной политики в СССР и положение христианских церквей в 1943–1948 годах: новые материалы, гипотезы, оценки. М., 2026. С. 9.

³ См., например: Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. Київ, 1998; Войналович В. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. Київ, 2005; Михайлуца М.І. Православна церква на півдні України в період Другої світової війни у контексті політики радянського і румунського режимів. Дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2009; Татарченко О. Становище Руської православної церкви на Херсонщині у другій половині 1940-х — початку 1950-х років // Краєзнавство. 2016. № 1/2. С. 142–155.

все 16 епископов-«автономистов» были украинцами по происхождению⁴.

К февралю 1944 г. советскими войсками была освобождена вся территория Запорожской области. Центр включавшей этот регион епархии, Днепропетровск, а также город Запорожье были отвоеваны еще раньше — 25 и 14 октября 1943 г. соответственно. Херсон был освобожден 13 марта 1944 г. в ходе Днепровско-Карпатской операции, область — к концу того же месяца⁵. 30 марта в составе УССР была учреждена Херсонская область, в ее состав вошли 13 районов Николаевской области и 6 — Запорожской. Если большинство представителей епископата Автокефальной церкви отступили с немцами, то архиереи Автономной церкви в основном остались. Из тех, кто уехал, некоторые впоследствии возвратились в СССР, в том числе бывший херсонский епископ Антоний (Марценко)⁶.

Вопросами украинских епархий в 1944–1948 гг. занимался уполномоченный СДРПЦ при СНК УССР П.С. Ходченко. Именно ему направлялись отчеты областных уполномоченных. Ходченко вступил в должность 8 марта 1944 г. К этому времени претендент на пост уполномоченного для Запорожской области уже был намечен, но назначение еще не состоялось. После создания Херсонской области, во второй половине апреля, встал вопрос о выборе кандидатуры и для этого региона. К 1 июня уполномоченный по Запорожской области уже был назначен, по Херсонской еще нет⁷. Это было закономерно, поскольку процесс подсчета и регистрации религиозных общин и духовенства в Херсонской области происходил позднее: работу замедляла летняя кампания по сбору урожая, требовавшая внимания органов исполнительной власти⁸.

В 1944–1945 гг. в Запорожской области уполномоченными были Леженков и Завгородний, в Херсонской — Коровин, в начале 1945 г. их заменили Ситников и Салмин⁹. В январе 1947 г. место Салми-

⁴ Якунин В.Н. Положение Православной церкви на Украине в период фашистской оккупации в 1941–1944 гг. // Белоруссия и Украина: история и культура. 2005/2006. М., 2008. С. 196.

⁵ Перехрест О.Г. Українське село в 1941–1945 рр.: економічне та соціальне становище. Черкаси, 2011. С. 456.

⁶ Якунин В.Н. Указ. соч. С. 203–204; Демидова Н.И. Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 127–129.

⁷ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 300–301.

⁸ Михайлуца М.І. Указ. соч. С. 271–274.

⁹ Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. С. 60; Михайлуца М.І. Указ. соч. С. 262.

на занял Плахотный¹⁰. Хотя уполномоченный СДРПЦ при Совете министров УССР Ходченко и его заместитель Катунин делали замечания всем уполномоченным, Ситников, кажется, был одной из главных мишеней критики. Доклады запорожского уполномоченного порицались за краткость и малосодержательность, слабо аргументированные доводы, при этом отмечалось, что свои прежние ошибки автор не исправляет¹¹. Так, отчет Ситникова за первый квартал 1947 г. Катунин в письме к нему назвал «настолько безграмотным, настолько безответственным, что не хотелось бы верить, что писали его Вы»¹². В докладах Ситникова подмечались даже такие курьезные мелочи, как слово «аэромонах» вместо «иеромонаха»¹³. Предшественникам Ситникова и его херсонским коллегам доставалось заметно меньше: так, например, Плахотного просили быть «более вдумчивым» в оценках ситуации в регионе, критиковали за «трафаретность» и «недоработку» и советовали приехать в Киев на инструктаж¹⁴.

Ключевое внимание властей и уполномоченных СДРПЦ было приковано к главам епархий. Назначение тех или иных епископов определялось разными факторами: позицией Патриархии, СДРПЦ, советских органов, учитывалось и мнение местного духовенства. Архиепископом Днепропетровским и Запорожским в январе 1944 г. стал Андрей (Комаров). Он занимал эту кафедру до самой смерти в 1955 г. До назначения в Днепропетровск Андрей никогда не служил на территории Украины: вся его священническая карьера была связана с Поволжьем¹⁵. В Запорожской области Андрей бывал нечасто — верующие сетовали на то, что «наш владыко больше заинтересован в Днепропетровской епархии нежели в Запорожской»¹⁶.

На фоне стабильного Запорожья в Херсонской области главы епархии в 1944–1949 гг. часто менялись. Надо заметить, что за исследуемый период изменился и статус самого Херсона — в 1946 г. епархиальный центр был перенесен в Одессу¹⁷. В конце 1944 г. епи-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–3, 8.

¹¹ Там же. Д. 225. Л. 1–2, 16–16 об.; Д. 368. Л. 29.

¹² Там же. Д. 225. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Д. 383. Л. 35–35 об., 60, 85 об.

¹⁵ Киреев А.И. Епархии и архиереи Русской православной церкви в 1943–2005 годах. М., 2005. С. 244.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.

¹⁷ Войналович В. Указ. соч. С. 212.

скопом Херсонским и Николаевским был назначен Фотий (Топиро), занимавший кафедру до февраля 1945 г. В апреле 1945 г. его преемником стал Михаил (Рубинский). После переноса кафедры в Одессу на смену Михаилу пришел Сергей (Ларин), прежде епископ Одесский и Кировоградский. В октябре–декабре 1947 г. епископом Одесским и Херсонским был Филипп (Ставницкий), затем, до августа 1948 г., снова Фотий (Топиро). Наконец, Фотия сменил Никон (Петин)¹⁸. Все это были люди с разными биографиями. Самой лояльной советской власти фигурой, на первый взгляд, представляется Фотий: в прошлом обновленец, он был креатурой СДРПЦ и в глазах патриарха имел репутацию скорее «государственного» человека, чем «церковного»¹⁹. При этом Фотий, в отличие от Днепропетровского и Запорожского архиепископа и своего преемника Никона, не был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»²⁰. В бытность на одесской кафедре он продолжал оставаться нежелательной для патриарха фигурой — тот активно продвигал на его место Никона, руководившего устройством патриаршей резиденции в одесском Успенском монастыре, где председатель Русской православной церкви проводил отпуска²¹. Для Михаила (Рубинского) Херсонско-Николаевская кафедра вовсе была первым опытом епископского служения — перед отъездом в Херсон, 29 апреля 1945 г., он был рукоположен из протоиереев. Председатель СДРПЦ Г.Г. Карпов отзывался о Михаиле негативно, отмечая, что тот присваивал церковные средства и злоупотреблял алкоголем²².

Области, в которых располагались епархиальные центры, привлекали более пристальное внимание властей и СДРПЦ. В этом смысле как Запорожская область, так и Херсонская — после переноса кафедры в Одессу — оказались на периферии внимания государства. Так, если днепропетровский уполномоченный за 1945 г. встретился с 900 священнослужителями, то его запорожский коллега — со 120–150. Диспропорция очевидна: по числу жителей Днепропетровская область превосходила Запорожскую всего в 1,5 раза, а по количеству приходов — на треть²³. Уполномоченный СДРПЦ рапортовал

¹⁸ Киреев А.И. Указ. соч. С. 37–38, 53–54; Демидова Н.И. Указ. соч. С. 190.

¹⁹ Демидова Н.И. Указ. соч. С. 47–48, 62.

²⁰ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.) // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст. Т. 2. Київ, 2004. С. 205.

²¹ Демидова Н.И. Указ. соч. С. 190.

²² Она же. С. 109.

²³ Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. С. 70; Войналович В. Указ. соч. С. 681.

в Киев, что архиепископ Андрей совсем не обращается к пастве в Запорожской области, а сам он почти не видится с архиереем — так, за весь 1947 г. Ситников всего единожды разговаривал с Андреем, беседа продлилась 30–40 минут²⁴. В Херсонской области после переноса кафедры в Одессу наметилась та же тенденция: вместо епископа Сергия уполномоченный СДРПЦ встречался с его «секретарем по области» архимандритом Назарием²⁵.

Если в Запорожской области борьба с проявлениями коррупции в церковной среде началась прямо с появлением там Андрея — архиепископ сам инициировал возбуждение уголовных дел против нечистых на руку священников²⁶, — то в Херсонской области эта практика наметилась, как ни парадоксально, лишь с переносом кафедры в Одессу. Епископ Сергей первым стал проявлять к духовенству «жесткую требовательность» по сравнению с предшественниками. Бывший секретарь епископа Михаила уже при Сергии был лишен сана и даже предан анафеме за присвоение более миллиона рублей государственных и церковных средств. Энергичные меры нового епископа даже привели к появлению «оппозиции» Сергию внутри епархии, но всё закончилось тем, что фрондирующие священники были уволены со службы, и позиция клира «умиротворилась»²⁷. В целом и в Запорожской, и в Херсонской областях конфликтов между отдельными священниками и властью почти не было. Обычно для урегулирования таких противоречий уполномоченные СДРПЦ по области выезжали в приходы, но для обоих регионов такие поездки были редкостью. Так, если на Западной Украине представители СДРПЦ проводили в визитах в приходы более половины рабочего времени, а в центральной — более трети, то их херсонский коллега в 1947 г. потратил на это всего 65 дней, а запорожский и того меньше²⁸.

После освобождения Запорожской и Херсонской областей — как, впрочем, и других переживших оккупацию регионов СССР — власти столкнулись с дилеммой. С одной стороны, церковную жизнь следовало освободить от идеологического наследия оккупации. С другой стороны, своего рода продуктом оккупации была вся сложившаяся к этому времени церковная структура: почти все

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 7–8, 39.

²⁵ Там же. Д. 240. Л. 40, 58.

²⁶ Там же. Д. 225. Л. 6, 40–41.

²⁷ Там же. Д. 240. Л. 30, 44–46.

²⁸ Войналович В. Указ. соч. С. 139.

общины на этих территориях возникли при немцах. В Запорожской области до войны вообще не было действующих церквей и молитвенных домов, а в Херсоне в канун Великой Отечественной войны оставалась одна действующая церковь. Подавляющее большинство духовенства в областях к 1941 г. оказалось под арестом²⁹. Но это вовсе не означало, что священники были настроены поголовно антисоветски и сочувствовали оккупантам: среди духовенства были священнослужители, которые спасали людей от отправки на принудительные работы, укрывали евреев и бежавших из плена советских военнослужащих, помогали военнопленным³⁰. Да и благосклонность оккупантов к церкви не следует преувеличивать: немецкие власти и коллаборационисты, на уровне лозунгов поощрявшие активизацию церковной жизни, вместе с тем требовали продолжать полевые работы во время церковных праздников³¹.

К концу Великой Отечественной войны ни в Запорожской, ни в Херсонской области приходов Автокефальной церкви уже не осталось, поэтому борьба с автокефалистами не стояла на повестке дня³². Больше внимания уделялось даже евангельским христианам-баптистам: несмотря на то что и в Запорожской, и в Херсонской областях число верующих баптистов после войны возрастало, количество общин с каждым годом сокращалось. За пять послевоенных лет оно упало с 77 до 57 в Запорожской и с 36 до 20 в Херсонской области³³.

Борьба с идеологическими последствиями оккупации в обеих епархиях растянулась на несколько лет после освобождения регионов. В 1946–1947 гг. сотрудники херсонского облполита продолжали искать в храмах и церковных библиотеках антисоветскую литературу, выпущенную при гитлеровцах, а некоторые священники и спустя два года после войны разоблачались как проводившие «шпионскую деятельность в пользу немцев»³⁴. Полностью избавиться от духовенства, которое находилось на оккупированной территории, было невозможно: к концу 1948 г. 82 из 117 священников и 7 из 8 диаконов в Запорожской области имели опыт пребывания на оккупирован-

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 368. Л. 63; Михайлуца М.И. Указ. соч. С. 86–87, 110.

³⁰ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.). С. 191–192.

³¹ Перехрест О.Г. Указ. соч. С. 187.

³² Михайлуца М.И. Указ. соч. С. 278.

³³ Войналович В. Указ. соч. С. 525.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 2, 39.

ной территории, причем все они вернулись на церковную службу во время войны. 22 человека имели судимость, в основном по 58-й статье³⁵.

Подчеркивая свою лояльность советской власти, духовенство обеих областей — как, впрочем, и по всей стране — и до, и после окончания войны выступало с патриотическими лозунгами и инициативами. Пока это было актуально, священники предлагали меры по содействию фронту. Например, в декабре 1944 г. благочинный Херсона обратился к духовенству города с предложением усилить молитву за победу над врагом, организовав еженедельное «всенародное моление» в храмах города, и провести тарелочные сборы в пользу армии³⁶. После окончания войны, накануне выборов в Верховный Совет УССР, священники напоминали пастве, что 9 февраля богослужения завершатся в 8.30, а затем молящиеся вместе со священниками «направятся к своим избирательным участкам для исполнения гражданского долга»³⁷. По случаю 30-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1947 г. после молебна во всех церквях было зачитано послание от патриарха и экзарха Украины³⁸. В обращениях к «верным чадам» епископы призывали паству «честно трудиться» и «героически бороться за восстановление былой славы сельского хозяйства»³⁹.

Немногочисленные случаи антисоветских высказываний священников уполномоченные СДРПЦ бдительно фиксировали в отчетах. В Херсонской области внимание уполномоченного привлек один из священников кафедрального собора Херсона, который на богослужении в День Победы заявил, что «ни Сталин, ни правительство, ни сама армия победили врага, а Бог», а затем призвал паству не посылать поздравительных телеграмм в обком партии. Этот случай подробно разбирался в переписке с Ходченко⁴⁰. В 1948 г. Плахотный отметил высказывания одного сельского священника, который после одного из венчаний посоветовал прихожанам не «жить, как псы», и брать пример с новобрачных⁴¹. В других ситуациях священники сами пресекали антисоветскую риторику паствы. Ярким примером стала реакция священника из села Большая Александровка на слухи

³⁵ Там же. Д. 368. Л. 49, 57.

³⁶ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.). С. 199.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 9.

³⁸ Там же. Л. 43.

³⁹ Там же. Л. 28–29.

⁴⁰ Там же. Д. 240. Л. 26.

⁴¹ Там же. Д. 383. Л. 39.

вокруг погрома и пожара, который в 1948 г. в молитвенном доме этого села устроил местный житель В.Н. Чуйко. В селе ходили разговоры, что поджигателя подстрекали местные власти, но эти слухи настойчиво опровергал сам священник⁴².

Областные партийные органы стремились контролировать религиозную ситуацию и регулярно поддерживали связь с уполномоченными СДРПЦ, проявляя интерес к их ежеквартальным отчетам. В июле 1946 г. первый секретарь Запорожского обкома КП(б) У Ф.С. Матюшин впервые встретился с Ситниковым, и после этого тот регулярно посылал или сообщал устно сведения о церковной жизни региона секретарю обкома партии по пропаганде⁴³. Его херсонский коллега за 1947 г. пять раз был принят секретарем обкома КП(б)У по пропаганде — последнего интересовали как общее положение церкви, так и отдельные приходы⁴⁴. Данными, которые собирались Плахотным, пользовались и культурно-просветительские учреждения Херсонской области: информация, в каких населенных пунктах «более широко развита религиозность», в том числе среди молодежи, в дальнейшем использовалась для усиления «политико-воспитательной работы» на местах. Это приносило плоды: в селах, где такая работа уже была «усилена», ходатаи о восстановлении и открытии храмов к уполномоченному больше не приходили⁴⁵.

Другой важной задачей советских властей на протяжении 1944–1949 гг. было освобождение церковными общинами общественных помещений, занятых в период оккупации, причем как заведомо нецерковных зданий, так и тех, которые когда-то принадлежали церкви, но в советское время стали школами, клубами, банками и т.д. Это направление деятельности имело не столько идеологический, сколько технический характер: многие общественные здания были разрушены во время войны, и практика изъятий у церковных общин должна была ускорить восстановление культурной и образовательной инфраструктуры. Во-первых, процесс выселения проходил постепенно: в Запорожской области в 1944 г. было освобождено 7 помещений, в 1945 г. — 11, в 1946 г. — 12, в 1947 г. — 6 и в 1948 г. — 3. К 1 января 1949 г. из занятых в оккупации общественных помещений в распоряжении церковных оставалось 21, включая 10 изначально

⁴² Там же. Л. 24–25, 31–32.

⁴³ Там же. Д. 368. Л. 55.

⁴⁴ Там же. Д. 383. Л. 85–86.

⁴⁵ Там же. Л. 63, 68.

церковных⁴⁶. Во-вторых, местные власти, требуя от общины освободить то или иное помещение, были обязаны предоставить альтернативу. Когда староста церкви в Чернобаевке Херсонского района обжаловал предложение райздравотдела передать помещение общины под родильный дом, уполномоченный заверил его, что община может оставаться на прежнем месте до тех пор, пока район не выделит альтернативное помещение⁴⁷.

Ходатайства об оставлении за общиной тех или иных помещений, как правило, отклонялись. Так, запорожскому духовенству было отказано в сохранении помещения бывшего спортзала в Мелитополе и здания крытого рынка в Запорожье, занятых под молитвенные дома. В обоих случаях молитвенные дома без эксцессов перебрались в другие помещения⁴⁸. В январе 1945 г. исполком Херсонского облсовета депутатов трудящихся вернул областному комитету по делам физкультуры и спорта здание Успенского собора под Дворец физкультуры, который там же и находился в 1931–1941 гг. Епископ Михаил согласился перенести кафедральный собор в Духовскую церковь Херсона⁴⁹. В некоторых случаях власти, настаивая на переносе, руководствовались идеологическими соображениями. Так, в одном из сел Высокопольского района молитвенный дом, расположенный в одном дворе с детдомом, «крайне неблагоприятно влиял на воспитание детей», а в Цюрупинском районе церковь на территории ветеринарного техникума отрицательно влияла на «идейно-политическое воспитание студентов»⁵⁰.

В редких случаях приходы отказывались от предложенного варианта — так, одной из общин в Херсонской области был предложен бывший костел, но та отказалась и самоликвидировалась⁵¹. Некоторые приходы пытались затягивать процесс передачи, обжалуя соответствующее решение сельсовета в райсовете и далее продолжая обращаться по этому поводу в новые инстанции⁵². Другие предпочитали арендовать или приобретать здания: из 37 приходов Херсонской области, у которых в 1944–1946 гг. изъяли общественные здания, так поступили 14 приходов⁵³.

⁴⁶ Там же. Д. 368. Л. 64–65.

⁴⁷ Там же. Д. 240. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 368. Л. 3–4, 32.

⁴⁹ Там же. Д. 240. Л. 13.

⁵⁰ Там же. Д. 383. Л. 39; Д. 240. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 12.

⁵² Там же. Д. 225. Л. 41–42.

⁵³ Там же. Д. 240. Л. 12.

В Херсонской области плотность церковной сети была значительно выше: на момент создания нового региона в нем проживали около 503 тыс. чел., а действующих церквей и молитвенных домов Русской православной церкви насчитывалось 113. Население Запорожской области составляло в 1944 г. около 927 тыс. чел., а церквей и молитвенных домов в ее границах было 134⁵⁴. Эта цифра не менялась до конца 1948 г. Монастырей в области при этом не было вообще, зато в каждом районе была хотя бы одна действующая церковь⁵⁵. В Херсонской области к началу 1947 г. число церквей и молитвенных домов немного возросло — их было уже 115, но областной уполномоченный СДРПЦ заверял руководство, что это «кульминационная точка» в отношении их численности⁵⁶. Как и в Запорожской области, на Херсонщине общая численность молитвенных сооружений была неизменной до конца 1948 г., кроме того, здесь также во всех районах были действующие церкви, и нигде не было монастырей⁵⁷.

Лишь с осени 1948 г. число церквей и молитвенных домов по обоим регионам стало постепенно сокращаться: к началу следующего года в Запорожской области оставалось уже не 134, а 130 действующих церквей и молитвенных домов, а к октябрю 1949 г. — 127⁵⁸. В Херсонской области к началу 1949 г. было уже не 115, а 107 церквей и молитвенных домов⁵⁹. Об открытии новых храмов или молитвенных домов речи и вовсе не шло. В органы власти Херсонской области в 1944–1947 гг. ходатайства об открытии церквей или молитвенных домов не подавались вообще, а в 1948 г. поступили два ходатайства, но оба были отклонены⁶⁰. В Запорожской области за период 1944–1948 гг. поступило единственное ходатайство об открытии церкви — в 1946 г. в селе Новоданиловка Акимовского района⁶¹.

Главной причиной почти полного отсутствия ходатайств об открытии новых церквей было недостаточное число православных священников, которых не хватало не только для создания новых приходов, но и для сохранения старых. И в Запорожской, и в Херсонской областях некоторые приходы, возникшие во время оккупации,

⁵⁴ Войналович В. Указ. соч. С. 681.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 11, 31, 48; Д. 368. Л. 13, 23, 44.

⁵⁶ Там же. Д. 240. Л. 9.

⁵⁷ Там же. Л. 19, 34, 49, 73; Д. 383. Л. 18, 46, 72.

⁵⁸ Там же. Д. 368. Л. 65; Войналович В. Указ. соч. С. 681.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 383. Л. 98.

⁶⁰ Там же. Д. 240. Л. 21, 36, 51, 75; Д. 383. Л. 7, 37, 48, 74, 100.

⁶¹ Там же. Д. 225. Л. 13, 38; Д. 368. Л. 17, 32, 60.

были оставлены священниками: одни отступили с немцами, другие были арестованы, третьи выразили желание отправиться на фронт и т.д. В Запорожской области опустевшие приходы присоединялись к другим — такова была позиция архиепископа Андрея, который в целом неохотно шел на любые уступки властям и предпочитал ликвидации приходов их слияние⁶². На этой почве архиерей расходился как с местным уполномоченным СДРПЦ, так и с его руководством в Киеве. В конце 1947 г. Ситников сообщал начальству, что в области осталось 15 «бесхозных» приходов, и предлагал взять «твердый курс на снятие с регистрации» тех церквей и молитвенных домов, которые находились в «безжизненном состоянии»⁶³. Но Андрей открыто противодействовал закрытию церквей. Ходченко в отчетах в Москву называл архиепископа человеком скрытным, хитрым и «не без способности на подлость»⁶⁴. Интересно, что у киевского начальства сама практика объединения и укрупнения приходов претензий не вызывала: в феврале 1949 г. Ходченко даже недоумевал, почему Ситников запретил передачу одному из молитвенных домов имущества близлежащей закрытой сельской церкви⁶⁵.

«Объединение маломощных приходов» практиковалось и в Херсонской области, но с приходом на одесскую кафедру Сергия (Ларина) этот процесс затормозился: новый владыка усматривал в желании объединять приходы корыстные цели отдельных священников⁶⁶. С учетом настроений Сергия некоторые священнослужители стремились расширить территории своих приходов без устройства молитвенных домов. Так, настоятель церкви села Преображенка Чаплынского района 27 марта пытался добиться разрешения совершать богослужения в самой Чаплынке, где не было ни церкви, ни молитвенного дома⁶⁷. В первом квартале 1948 г. в Херсонской области были сняты с регистрации 1 церковь и 4 молитвенных дома из-за отсутствия священников⁶⁸.

Одним из способов компенсировать недостаток кадров на местах было прибытие православных священников с бывшей и оставшейся территории Польши — как из той части Западной Украины, которая вошла в состав СССР, так и из районов, сохранившихся

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Там же. Д. 225. Л. 43–44.

⁶⁴ Войналович В. Указ. соч. С. 215.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 368. Л. 58.

⁶⁶ Там же. Д. 240. Л. 40; Д. 383. Л. 33.

⁶⁷ Там же. Д. 240. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Д. 383. Л. 6.

под юрисдикцией Варшавы. И в Запорожскую, и в Херсонскую область в 1945 г. было направлено по 9 священнослужителей-репатриантов⁶⁹. Впрочем, некоторые из них в течение нескольких лет уехали обратно, причем кое-кто самовольно оставил приходы, не ходатайствуя о переводе в другие епархии⁷⁰.

Важным показателем характера взаимоотношений между органами советской власти в Запорожской и Херсонской областях и церковью были жалобы областным уполномоченным СДРПЦ. Из статистики в отчетах уполномоченных подчас трудно понять, какая доля жалоб в действительности была связана с действиями местных властей. Так, в первом квартале 1947 г. из 29 жалоб по Запорожской области 6 касались взимания налогов и 23 были занесены в раздел «разное», при этом жалоб в категории «действия местных органов и Советов» не было зафиксировано вовсе⁷¹. Во втором квартале того же года только 2 из 50 жалоб имели отношение к действиям властей и целых 33 попали в категорию «разное»⁷². Стоит учесть, что и к разряду «действий местных органов» иногда относились сугубо финансовые вопросы: например, настоятель церкви села Острогоновка Чаплынского района Херсонской области жаловался, что райфинотдел начислил приходу за 1946 г. слишком высокий налог⁷³. Но даже погрешности в классификации жалоб не препятствуют выводу, что в обеих областях их было мало. В Херсонской области за 1947 г. было подано 34 жалобы, из которых всего 4 — на «действия местных органов», за 1948 г. — 18 и 5 соответственно, причем в третьем квартале никаких жалоб не поступало⁷⁴. В Запорожской области в 1947 г. жалоб уполномоченным было значительно больше, о чем упоминается выше, но их число от квартала к кварталу шло на спад, и во втором полугодии 1948 г. жалоб уже не было вовсе⁷⁵.

Примеры жалоб, которые были подробно прокомментированы в докладах уполномоченных, позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, большинство противоречий между церковью и властями возникало на почве действий отдельных представителей власти. Во-вторых, почти всегда уполномоченный — а вслед за ним

⁶⁹ Войналович В. Указ. соч. С. 210–211.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 38–39; Д. 240. Л. 39.

⁷¹ Там же. Д. 225. Л. 15.

⁷² Там же. Л. 34.

⁷³ Там же. Д. 240. Л. 11.

⁷⁴ Там же. Л. 23, 38, 53, 77; Д. 383. Л. 22, 50, 73, 102.

⁷⁵ Там же. Д. 225. Л. 15, 34, 50; Д. 368. Л. 12, 24, 46, 69.

и инстанция, в которую он обращался для решения проблемы, — вставали на сторону священника. Так, в Запорожской области первый секретарь Больше-Белозерского райкома партии предписал священнику проводить службу ночью, а не днем, чтобы в дневное время колхозники были на работе в поле. После вмешательства уполномоченного СДРПЦ областное партийное руководство признало поведение первого секретаря неподобающим⁷⁶. В Благовещенке Херсонской области председатель сельсовета и директор местной МТС запретили колхозам продавать священнику солому для топлива, а шоферам — подвозить его на машине, а секретарь парторганизации той же МТС предписал прекратить реставрацию икон в местной церкви. Уполномоченный попросил председателей райисполкомов «устранить такие действия»⁷⁷. В апреле 1947 г. начальник милиции города Осипенко вызвал настоятеля местного собора и пригрозил ему арестом, указав, что по закону детям моложе 16 лет нельзя присутствовать в общественных местах после 8 часов вечера, и на богослужениях позже этого времени они появляться не должны. После вмешательства уполномоченного СДРПЦ областная прокуратура, а затем и руководство УМВД по Запорожской области встали на сторону церкви, и начальник милиции получил дисциплинарное взыскание⁷⁸.

Известны эпизоды, в которых органы власти не с подачи уполномоченных СДРПЦ, а, наоборот, вопреки их мнению занимали сторону прихода или священника. Так, в ноябре 1948 г. Запорожский облисполком на сообщение Ситникова, что один из священников «в целях разжигания религиозного фанатизма» «отмаливает» болезни, возразил, что это обвинение «неконкретно и не подтверждено фактами»⁷⁹. В другом случае руководство в Киеве осудило Ситникова за вмешательство в вопрос, какую сумму одна из церквей Каменского района собирает на ремонт, отметив, что «это относится к внутрицерковной жизни»⁸⁰.

Нельзя не отметить, что в отчетах уполномоченных по Запорожской и Херсонской областям не встречаются указания на национальную или языковую подоплеку тех или иных конфликтов и вообще на любые проявления столкновения «русского» и «украинского»

⁷⁶ Там же. Л. 55–56.

⁷⁷ Там же. Д. 240. Л. 28; Д. 383. Л. 91.

⁷⁸ Там же. Д. 225. Л. 19–22.

⁷⁹ Там же. Д. 368. Л. 27.

⁸⁰ Там же. Л. 29.

элементов. Это вряд ли можно объяснить самоцензурой, поскольку авторы докладов затрагивали весьма чувствительные политические вопросы, вплоть до сотрудничества священников с органами НКВД–МГБ⁸¹.

К 1949 г. вопросы, решавшиеся еще до окончания Великой Отечественной войны, по-прежнему не были закрыты. В 1947 г. уполномоченный по Запорожской области докладывал, что основные споры о занятых религиозными общинами помещениях решились в 1945–1946 гг., а с 1947 г. на первый план вышли правильность налогообложения, условия аренды и иные подобные вопросы⁸². При этом в планы уполномоченного на первое полугодие 1949 г. вошли продолжение мер к освобождению общественных помещений, занятых под молитвенные дома, и пристальное изучение духовенства, «поставленного на службы во время временной оккупации»⁸³.

Итак, в положении Русской православной церкви в послевоенных Запорожской и Херсонской областях было много общего — особенно после переноса кафедры из Херсона в Одессу в 1946 г. и перехода Херсонщины на «второстепенное» место в епархии. Это редкая коммуникация епископата и духовенства в целом с представителями СДРПЦ, незначительное количество жалоб на действия властей, патриотическая риторика и борьба с проявлениями коррупции среди священников. Что касается охлаждения взаимоотношений между церковью и государством, ситуация в обоих регионах вписывалась в общесоюзную тенденцию, отмеченную историками: именно в конце 1948 г. в Запорожской и Херсонской областях наметился сдвиг в сокращении числа церквей и молитвенных домов. Окончательное решение этого вопроса пришлось уже на тот период, когда отношения между государством и церковью стали ухудшаться.

References

Burdukov I. V. *Smolenskaya eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v veroispovednoy politike sovetskogo gosudarstva i zhizni obshchestva v 1943–1964 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [The Smolensk Diocese of the Russian Orthodox

⁸¹ Так, в отчете херсонского уполномоченного за 1948 г. обсуждались действия херсонского священника Степанского, противника епископа Сергия (Ларина), который утверждал, что выполняет «прямые задания органов государственной безопасности» и «все докладывает» им о событиях в епархии (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 63).

⁸² Там же. Д. 225. Л. 18–19.

⁸³ Там же. Д. 368. Л. 71.

Church in the Religious Policy of the Soviet State and the Life of Society in 1943–1964: PhD Candidate in History Dissertation]. Smolensk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2024. 247 p.

Demidova N.I. *Kadrovaya politika Moskovskoy patriarkhii i sostav episkopata Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1940–1952 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Personnel Policy of Moscow Patriarchate and Composition of Episcopate of Russian Orthodox Church from 1940 to 1952: PhD Candidate in History Dissertation]. Moscow: Rossijskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossijskoy Federatsii, 2007. 220 p.

Kireev A.I. *Eparkhii i arkhieri Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1943–2005 godakh* [Eparchies and Hierarchs of Russian Orthodox Church from 1943 to 2005]. Moscow: [s. n.], 2005. 544 p.

Lysenko O.E. *Derzhava i relihiyni konfesii v Ukraini (1943–1945 rr.)* [The State and Religious Confessions in the Ukraine, 1943–1945] // *Aktual'ni problemy vitchiznyanoi istorii XX st.* [Current Problems of Domestic History of the 20th Century]. Vol. 2. Kyiv: Instytut Istorii Ukrainy, 2004. P. 155–209. — URL: <https://resource.history.org.ua/item/0002026> (date of retrieval: 8.12.2025).

Lysenko O.E. *Tserkovne zhyttia v Ukraini. 1943–1946 rr.* [Church Life in the Ukraine, 1943–1946]. Kyiv: NAN Ukrainy, Instytut Istorii Ukrainy, 1998. 403 p.

Mykhailutsa M.I. *Pravoslavna tserkva na pivdni Ukrainy v period Druhoi svitovoi viyny u konteksti polityky radyans'koho i rumuns'koho rezhymiv: disertatsiya ... doktora istorichnikh nauk* [Orthodox Church in Southern Ukraine during The Second World War in the Context of Soviet and Romanian Regimes' Policy: Doctor in History Dissertation]. Kyiv: Natsional'nyy universitet "Kievo-Mogilyans'ka akademiya", 2009. 518 p.

Mikhaylovskiy A.Yu. *Vzaimootnosheniya vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1943–1965 gg.: na materialakh Ryazanskoy oblasti: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Relations between the Authorities and the Russian Orthodox Church in 1943–1965: Based on Materials from the Ryazan Region: PhD Candidate in History Dissertation]. Vladimir: Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet, 2011. 286 p.

Obozny K.P. *Predislovie* [Foreword] // *“Novy kurs” gosudarstvennoy religioznoy politiki v SSSR i polozhenie khristianskikh tserkvey v 1943–1948 godakh: novye materialy, gipotezy, otsenki* [The “New Course” of State Religious Policy in the USSR and the Situation of Christian Churches in 1943–1948: New Materials, Hypotheses, and Assessments]. Moscow: Svyato-Filaretovskiy institut, 2026. P. 7–11.

Odintsov M.I. *Veroispovednaya politika sovetского gosudarstva v 1943–1953 gg.* [Confessional Policy of Soviet State, 1943–1953] // *Sovetskoye gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [The Soviet State and Society in the Late Stalinist Period. 1945–1953]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina, 2015. P. 488–501.

Perekhrest O.G. *Ukrains'ke selo v 1941–1945 rr.: ekonomichne ta sotsial'ne stanovyshche* [Ukrainian Village between 1941 and 1945: Economical and Social Situation]. Cherkasy: ChNU im. B. Khmel'nyts'koho, 2011. 668 p. — URL: https://chtyvo.org.ua/authors/Perekhrest_Oleksandr/Ukrainske_selo_v_1941_1945_rr_ekonomichne_ta_sotsialne_stanovyshche.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Shkarovskiy M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushchyove* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchyov]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvorya, 2005. 423 p.

Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoy zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980-e gg. [Soviet Identity and Religiousity Problems: Orthodox Practices in Everyday Life of the USSR Citizens, 1940–1980s]. Kursk: Izdatel'stvo ROSI, 2022. 321 p.

Tatarchenko O. *Stanovyshche Rus'koi pravoslavnoi tserkvy na Khersonshchyni u druhiy polovyni 1940-kh — pochatku 1950-kh rokiv* [The Position of Russian Orthodox Church in Kherson Region from the Second Part of 1940s to the Beginning of 1950s] // *Kraeznavstvo*. 2016. N 1/2. P. 142–155. — URL: http://jnas.nbuv.gov.ua/j-pdf/kraeznavstvo_2016_1-2_15.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Voynalovych V. *Partiyno-derzhavna polityka shchodo relihii ta relihiynykh instytutsiy v Ukraini 1940–1960-kh rokiv: politolohichny diskurs* [Party and State Policy towards Religion and Religious Institutions in the Ukraine, 1940–1960s: Political Science Discourse]. Kyiv: Svitohlyad, 2005. 741 p. — URL: https://ipiend.gov.ua/wp-content/uploads/2018/07/partino_derzhavna_politika_60.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Yakunin V.N. *Polozhenie Pravoslavnoy tserkvi na Ukraine v period fashystskoy okkupatsii v 1941–1944 gg.* [The Position of Orthodox Church in the Ukraine during the Fascist Occupation, 1941–1944] // *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura*. 2005/2006 [Belarus and Ukraine: History and Culture. 2005/2006]. Moscow: Nauka, 2008. P. 165–209.

Zin N.V. *Vzaimootnosheniya gosudarstva i tserkvi v 1943–1953 gg.: na materialax Vladimirskogo kraia: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Relations between the State and the Church in 1943–1953: Based on Materials from the Vladimir Region: PhD Candidate in History Dissertation]. Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2010. 234 p.

Поступила в редакцию
20 декабря 2025 г.